

О. В. ОКУНЕВА

**РУКОПИСИ «У БЕЗДНЫ НА КРАЮ»
ВЫСТАВКА «LES MANUSCRITS DE L'EXTRÊME»
В НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ФРАНЦИИ**

Статья представляет собой обзор выставки, организованной Национальной библиотекой Франции весной-летом 2019 г. и посвящённой рукописям, созданным в психологически сложных или экстремальных условиях (во время тюремного заточения, перед казнью, под обстрелом в окопе, при известии о смерти любимого человека или во время неизлечимой болезни и т.п.). Внимание уделено рукописям, запечатлевшим следы физической и душевной боли их создателей. Продемонстрированные на выставке документы представляют значительный интерес для исследователя эмоций и антропологии чувств – и не только сами по себе, а именно в комплексе, показывающем способы взаимодействия с окружающим миром на уровне чувств.

Ключевые слова: *рукописи, выставка, Национальная библиотека Франции, история эмоций, антропология чувств*

«Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю, и в разъярённом океане», – сказал классик, а современные барды его поддержали, вспомнив о том, что бывает, «когда встряхнёт и захлестнёт девятый вал, // Когда в душе завоет ураганный ветер». «Всё, всё что гибелью грозит, // Для сердца смертного таит // Неизъяснимы наслажденья – // Бессмертья, может быть, залог», – продолжал классик, и барды с ним солидарны: «Когда ворвётся свет в раскрытые глаза, // Когда ударит в ноздри запах зверобоя // Ну кто же счастья всем нутром не осязал, // Ну кто же не был на все сто самим собою»¹.

В отличие от процитированных поэтов, организаторы выставки в Национальной библиотеке Франции не связывали обострение всех чувств в минуту сильного душевного волнения именно с ощущением счастья или блаженства. Ими была поставлена перед собой задача показать, как человек, оказавшийся на краю бездны, проявляет свои человеческие качества, а бездной могли выступать и иссушающая тревога, и тюремное заключение с перспективой надвигающейся казни, и состояние изолированности во враждебном окружении, и траур по любимому существу, и близость смерти, и даже изменённое состояние сознания. Единым же знаменателем для выражения чувств в этих экстремальных обстоятельствах стало то, что все они оказались запечатлены в рукописях – дневниковых записях, фронтовых письмах, лабораторных журналах, полевых дневниках, наспех нацарапанных записках перед расстрелом, посланиях, начертанных собственной кровью, выколотых булавкой на бумаге (в отсутствие чернил) инструкциях, «стенограммах» спиритического сеанса. Это даже рисунки обитателей приютов для умалишённых

¹ Читатель, несомненно, узнал хрестоматийные строки гимна Председателя из «Пира во время чумы» А.С. Пушкина («Маленькие трагедии»); процитированы современными бардами А.И. Иващенко и Г.Л. Васильев (дует «Иваси»), песня «Девятый вал».

ных, а также весьма специфические записи тех, кто хотел научно исследовать действие наркотиков на мозг или расширить сознание для творчества, но получил в награду лишь наркотическую зависимость. Такие документы-артефакты (а «физическим носителем» послания могли выступать самые разные предметы, помимо собственно бумаги) оказалось возможным собрать и представить в музейном пространстве, организовав экспонаты вокруг четырёх главных тем: «тюрьма», «страсть», «опасность», «одержимость». На языке оригинала каждое из этих слов начинается с одной и той же буквы (prison, passion, péril, possession), что также было обыграно в графическом оформлении выставки.

Тематический принцип организации материала позволил разместить в соседних витринах документы в диапазоне от XVII до конца XX века и с равным уважением показать свидетельства как знаменитых исторических деятелей, так и безвестных персонажей. Каждый тематический блок располагался в собственной выгородке, выполненной в едином цвете; все четыре выгородки сходились в общем центральном пространстве, а общая конструкция напоминала, таким образом, цветок с четырьмя лепестками (один из рецензентов, описывая сценографию выставки, предложил считать каждое тематическое пространство особым «путём» и вспомнил по этому поводу поговорку «aller par quatre chemins»², которая – отметим от себя – обманчиво схожа с русским «идти на все четыре стороны», но на самом деле подразумевает изощённость и даже увёртки). При этом размеры и геометрия каждой выгородки могли отличаться из-за специфики демонстрируемых артефактов: послания, написанные кровью на ткани, показывались в особых сундуках с закрывающейся крышкой; записка, оставленная анонимным деятелем движения Сопротивления на обратной стороне сиденья стула (на котором его и пытали), требовала обзора со всех сторон и соответствующей витрины; особые витрины были придуманы и для экспозиции самодельных комиксов или романов в картинках, которые рисовали дети из лагерей для интернированных, и для записок, брошенных депортированными детьми из поезда в лагерь смерти.

Продемонстрированные на выставке документы представляют значительный интерес для исследователя эмоций и антрополога чувств – и не только сами по себе, а именно в комплексе, показывающем способы взаимодействия с окружающим миром на уровне чувств. В диапазоне представленных эмоций нашлось место и мистическому восторгу Блеза Паскаля, и любовному томлению женатого человека, который налагает на себя «школьное» наказание написать много раз подряд одну и ту же фразу, и эротическим переживаниям девушек конца XIX в., которым не хватило слов, и они прибегли к рисункам, хотя значительная доля рукописей отражали другую часть эмоционального спектра (гнев, боль, скорбь, решимость, страх). При входе на выставку организаторы

² Rioux 2019. P. 99-103.

даже разместили небольшое объявление о том, что некоторые экспонаты могут шокировать детей, но в остальном вполне разумно положились на здравый смысл посетителей, не докучая им назойливыми предостережениями или «возрастной» маркировкой. Наиболее выразительные тексты были озвучены: рядом с витринами с рукописями висели наушники для прослушивания написанного от руки текста.

Основная часть свидетельств физической и душевной боли была представлена в разделах «тюрьма», «опасность» и «страсть». Здесь и дневник Адольфа Дрейфуса, который он вёл в ссылке на острове Дьявола (Кайенна), и послание из Бастилии маркиза Латюда в 1761 г., выполненное собственной кровью на нижней сорочке и адресованное главе парижской полиции, причём изысканность обращения контрастирует с тем, какой именно субстанцией выведены эти слова: «Месье, я пишу вам своей кровью на холсте, так как господа офицеры отказывают мне в чернилах и бумаге». Здесь и записка безымянного участника движения Сопротивления, оставленная на обратной стороне сиденья стула (сам стул находился в камере гестапо) с призывом сохранять веру – и рядом записки из немецкой тюрьмы Андре Мелфреда-Деваля, в которых он между строк оказавшейся у него по случаю книги изливает свою боль и страх: «В самый напряжённый момент моего заключения я думал, что моя голова, и без того уже подвергшаяся испытаниям, не выдержит и я впаду в беспамятство или безумие. Я боролся и, как мне кажется, держался..., но временами на меня находят внезапные провалы, похожие на воздушные ямы. Писать вам становится для меня наваждением; в метаниях между ним и опасением [выдать себя] я перечитываю написанное с намерением разорвать листки – и добавляю ещё что-нибудь». У Виктора Тардье, который пишет письмо сыну из окопов Первой мировой, почти физическую боль вызывают разрывы артиллерийских снарядов: он пишет на одном дыхании, без запятых и заглавных букв, и ставит над каждым словом точки, число и размер которых соответствует количеству и интенсивности взрывов, раздавшихся за время написания данного слова, а затем бросает это занятие, настолько артобстрел превращается в одну сплошную стену огня.

Чтобы почувствовать себя на краю бездны, не обязательно оказываться на войне или в заточении; борьба со своей болью может вестись и в одиночной исследовательской экспедиции. Ален Гербрант в полевых дневниках экспедиции на Ориноко в 1950 г. помечает: «Я околдован идеей смерти. Как глупо. Быть околдованным смертью. Я стараюсь об этом не думать и всё же думаю. Иногда (как сейчас) я задаюсь вопросом, действительно ли я в опасности». Подобных сомнений не возникало у Марии-Антуанетты: в принадлежащем ей часослове её рукой выведено накануне казни: «В это четвёртое ноября полпятого утра Боже, помилуй меня! У меня нет больше слёз, чтобы оплакать вас, мои бедные дети! Прощайте, прощайте!». В соседней витрине представлен

черновик текста отречения Наполеона в Фонтенбло в 1814 г.: можно предположить, что это решение принималось императором французов отнюдь не в безмятежном состоянии духа.

Среди экспонатов отметим и исполненные отчаяния дневниковые записи Мари Кюри при известии о смерти мужа, Пьера Кюри, в нелепом дорожно-транспортном происшествии: «Пьер умер, умер тот, кого я видела ещё этим утром в добром здравии и кого я надеялась обнять этим вечером, теперь же я увижу его только мёртвым, и всё закончено навсегда. Я всё время твержу твоё имя: Пьер, Пьер, Пьер, мой Пьер, но увы, это его не вернёт, он ушёл навек, оставив мне лишь отчаяние и безнадежность». На других страницах дневника видны следы слёз, размывшие бумагу. В схожей ситуации (смерть супруги) маркиз Сен-Симон избирает другой способ выражения своих чувств – умолчание. С января по июль 1743 г. он ничего не заносит в свои мемуары, а в рукописи по границе двух абзацев идёт строчка из стилизованных изображений слезы и креста. Ещё более лаконичным (но от этого не менее сильным) выражением горя стала страница обычного ежедневника за 2 марта 1985 г., на которой жена записала и подчеркнула лишь три слова: «два часа ночи» – время смерти своего мужа. Посетители же российских музеев могли бы вспомнить в этой связи экспонат мемориальной квартиры Ф.М. Достоевского в Петербурге – папиросную коробку, на обороте которой дочь писателя карандашом отметила время его смерти, или маленькие листки блокадного дневника Тани Савичевой.

Настоящий краткий обзор не ставит целью описать все показанные на выставке рукописи: они действительно отличаются значительным разнообразием, а организаторы порой смело рифмуют между собой то, что на первый взгляд кажется несопоставимым по масштабу. К примеру, в разделе «опасность», наряду с процитированными эмоциональными восклицаниями А. Гербранта или Марии-Антуанетты представлена анонимная листовка с угрозами и неуклюжим изображением черепа с костями, подброшенная националистической группировкой Ж.-П. Сартру, который поддерживал идею независимости Алжира, а письмо французского миссионера в Северной Америке XVII в., написанное на бересте и не содержащее, на первый взгляд, ничего трагического (можно лишь домыслить, что организаторы сочли «физический носитель» этого письма свидетельством нахождения в экстремальных условиях, хотя один из рецензентов сделал вывод, что в послании на бересте заключены призывы о помощи миссионера, подвергнутого индейцами пыткам³; впрочем, на самой выставке пояснительные надписи у этого экспоната никак не указывают на возможность подобного толкования) соседствует рядом с рукописью сказки, «надиктованной» парализованным человеком, бездвиженным до такой степени, что единственным средством коммуникации с окружающим миром для него стало моргание; каждая буква не-

³ Le Chatelier 2019.

большого текста кодировалась определённым числом взмахов ресниц. Однако каким бы причудливым ни выглядел выбор экспонатов, все они безупречно соответствуют заявленной теме: все показанные рукописи были созданы действительно на краю бездны, а на долю зрителя приходилась работа по осмыслению этих «экстрактов» сильных чувств, фиксирующих на бумаге движения души, которые далеко не всегда предназначались для стороннего наблюдателя.

Все представленные на выставке тексты и фотографии многих артефактов опубликованы в каталоге, а краткий тур по разделам выставки размещен на сайте Национальной библиотеки Франции⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ивашенко А.И., Васильев Г.Л. Девятый вал / Ивашенко А., Васильев Г. Альма-матерь. Полное собрание изданного-1997. Москва, Мистерия паблишинг, 2005. 1 CD [Ivashchenko A.I., Vasil'ev G.L. Devyatyj val / Ivashchenko A., Vasil'ev G. Al'ma-mater'. Polnoe sobranie izdannogo-1997. Moskva, Misteriya publishing, 2005. 1 CD].
- Пушкин А.С. Пир во время чумы / Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 180–181 [Pushkin A.S. Pir vo vremya chumy / Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij. T. 7. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1937. S. 180–181]
- События: выставки [сайт] / Национальная библиотека Франции. Париж, 1998. URL: <https://www.bnf.fr/fr/agenda/manuscrits-de-lextrême> [Sobytiya: vystavki [sajt] / Nacional'naya biblioteka Francii. Parizh, 1998. URL: <https://www.bnf.fr/fr/agenda/manuscrits-de-lextrême>]
- События: выставки: галерея изображений [сайт] / Национальная библиотека Франции. Париж, 1998. URL: <https://www.bnf.fr/fr/agenda/manuscrits-de-lextrême#bnf-galerie> [Sobytiya: vystavki [sajt] / Nacional'naya biblioteka Francii. Parizh, 1998.
- Sobytiya: vystavki: galereya izobrazhenij [sajt] / Nacional'naya biblioteka Francii. Parizh, 1998. URL: <https://www.bnf.fr/fr/agenda/manuscrits-de-lextrême#bnf-galerie>
- Le Bras L. (dir.) Manuscrits de l'extrême. Paris, BNF éditions, 2019. 208 p., 100 ill.
- Le Chatelier L. "Manuscrits de l'extrême" à la BNF: l'écrit du cœur et des tripes // Telerama, 20.04.2019. URL: <https://www.telerama.fr/sortir/manuscrits-de-lextrême-a-la-bnf-lecrist-du-cœur-et-des-tripes,n6211651.php>
- Rioux Ch. Expositions: Les manuscrits de l'extrême // Études, 2019/6 (Juin) P. 99-103. DOI : 10.3917/etu.4261.0099. URL: <https://www.cairn.info/revue-etudes-2019-6-page-99.htm>
- Окунева Ольга Владимировна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; olga.okuneva@gmail.com

Manuscripts on the brink of a precipice: notes on the exhibition held in French National library from April 9 until July 7, 2019

The paper reviews a French National library exhibition "Manuscripts in *extremis*" that showed some 150 manuscripts created in extreme conditions (in the jail, right before an execution, in the trenches under fire, just after learning about the death of a loved one, suffering an incurable disease etc). The paper examines the conception of such an exhibition and the relevance of some items; it also analyzes the exhibition's scenography and design. Special attention is paid to the manuscripts showing mental and physical pain. The paper emphasizes an interest that the whole set of the exposed manuscripts presents for a study in the history of emotions or in the anthropology of senses: it shows the variety of the interactions with the world at the level of the emotions as well as the individual choices.

Keywords: manuscripts, exhibition, French National library, history of emotions, anthropology of senses

Olga Okuneva, PhD in History, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; olga.okuneva@gmail.com

⁴ Le Bras 2019. <https://www.bnf.fr/fr/agenda/manuscrits-de-lextrême>;
<https://www.bnf.fr/fr/agenda/manuscrits-de-lextrême#bnf-galerie>